

УДК 355.01:32.019.51

Соловьёв А.В.

Информационная война: понятие, содержание, перспектива¹

Соловьёв Алексей Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, член Российской ассоциации политической науки

E-mail: alexol.ross.msc@mail.ru

Статья посвящена проблеме информационного противоборства, часто называемого «информационной войной». Рассматриваются вопросы возникновения самого понятия «информационная война», а также институционализации данного явления. Уделяется внимание теоретико-методологическим взглядам на данный феномен. Затрагиваются военно-политические и теоретические аспекты современного состояния и возможностей дальнейшего развития практики информационных войн. Приводятся примеры усилий различных стран в области создания соответствующих инфраструктур.

Ключевые слова: противоборство, информационная война, информационная безопасность, доктрина информационной безопасности, информационное пространство, картографическая война, информационные ресурсы.

Ален Д. Кампен², заметил: «Война в Заливе стала войной, в которой унция кремния в компьютере дала больший результат, чем тонна урана».³ Это выражение емко определяет важное соотношение между качеством и количеством в современной военно-политической практике. Но информация как средство достижения целей в процессе противоборства между его участниками не ограничивается только этими важными, но не единственными соотношениями. Не стоит забывать о пространственно-временных корреляциях, тесно связанных с различными сторонами взаимодействий акторов современных международных отношений.

Пространство и время – эти факторы, равно как и состязание в пространстве и во времени, всегда присутствовали в истории человечества, даже если это не осознавалось им. Состязательность человеческих сообществ, сильнее всего проявляясь в вооруженной борьбе, сохранялась и в периоды мирного развития, принимая порой схожие формы. Даже Олимпийские игры, во время которых в Античном мире прекращались войны, тем не менее, руководствовались вполне применимым к военным условиям принципом «Citius, Altius, Fortius!» («быстрее, выше, сильнее!»), хотя сам он и был сформулирован намного позднее⁴. И если первые два компонента – «быстрее» и «выше» – отражают вполне очевидные характеристики процесса (в том числе по отношению ко времени и пространству), то содержание категории «сильнее» меняется со сменой исторических эпох, точнее, с уровнем свойственных им технических возможностей – возможностей контроля над временем и пространством. Сегодня содержание этой категории все с большей очевидностью определяет информационный контроль.

¹ Перспектива – англ.: предполагаемый; предстоящий; фр.: наука о перспективах научно-технического и общественного развития; перспективное прогнозирование.

² Составитель сборника «Кибервойна: безопасность, стратегия и конфликт в информационную эпоху» («Cyberwar: Security, Strategy, and Conflict in the Information Age», 1996) и других трудов («Кибервойны 2,0: мифы, тайны и реальность», 1998; «Кибервойны 3,0: Человеческий фактор в информационных операциях и будущих конфликтов», 2000)

³ Цит. по: Guerre de l'information made in France. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.intemetactu.net/2005/11/25/guerre-de-linformation-made-in-france>.

⁴ Эти слова впервые были произнесены французским писателем, педагогом и проповедником ордена доминиканцев Анри Дидоном (1840–1900) на открытии соревнований в своем колледже и были предложены П. де Кубертену в качестве девиза возрожденных олимпийских игр. Девиз был принят в 1913 г. Международным Олимпийским Комитетом.

Информация обладает рядом качеств, которые вместе с умственными способностями субъекта могут повлиять на другие составляющие, способные привести к победе над противником. В наше время не только сама информация играет детерминирующую роль в противоборстве, но те средства, которые многократно усиливают ее воздействие. Информационная революция предоставила новые возможности влиять на исход противоборства, как в пространственном, так и во временном отношении.

Ротшильдам приписывают знаменитое изречение «кто владеет информацией, тот владеет миром». То, что информация имеет решающее значение при принятии решений, было известно до них и понятно само по себе, но значение, которое она приобрела в эпоху информационной революции, трудно переоценить. Однако что же представляет собой информация? Словарь Ожегова 1968 г. дает всего одно толкование этого термина¹, прошедшего в русский язык из польского во времена Петра I, тот же словарь 1984 г. издания – два толкования: «1. Сведения об окружающем мире и протекающем в нем процессах, воспринимаемых человеком или специальными устройствами (спец.). 2. Сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-н.»². Французский толковый словарь французского языка «Пти Робер», относящий появление термина «информация» (как производного от латинского «представление о чем-либо») во французском языке к 1279 г., дает шесть значений данного понятия: 1) совокупность действий, направленных на нахождение доказательств нарушения и установление виновников; 2) сведения о чем-либо, о ком-либо; совокупность сведений, собранных кем-либо; 3) получение, добывание сведений для себя; 4) сведение или событие, которое доводят до частного лица или общественности; 5) совокупность информации и расширительное действие по информированию общественности, общественного мнения; 6) (ок. 1950) элемент или система, способная к передаче посредством сигнала или комбинации сигналов; то, что передается (объект знания, запоминания)³.

В связи с расширением технических возможностей получения и передачи (распространения) информации и образованием информационного пространства на рубеже XX и XXI вв. возникло и получило широкое распространение явление, отражающее связанные с этим пространством тенденции развития международных отношений, – информационное противоборство. Оно представляет собой комплекс мероприятий, направленных на достижение политических целей субъектами политики. Понятие «информационное противоборство» (Information Warfare) стало официально использоваться министерством обороны США с 1992 года (директива DOD S 3600.1) как разновидность радиоэлектронной борьбы. Однако немногим позже, в 1996 г. это понятие получило расширительную трактовку в отчете американской корпорации «Рэнд» MR-661-OSD (Strategic Information Warfare. A New Face of War). На страницах этого доклада впервые был использован термин Strategic Information Warfare, придававший этому виду борьбы военно-стратегический смысл, а впоследствии и смысл политический⁴.

Хотя с тех пор и у нас, и за рубежом данной проблеме уделяется большое внимание⁵, сами терминологические аспекты данной области по-прежнему остаются далеко не так однозначными и бесспорными. Различные авторы по-разному трактуют понятия «информационная война», «информационное противоборство», дискутируя по этому поводу на страницах различных изданий. Эти теоретические споры обусловлены различием теоретических же и методологических позиций, а также многомерностью самого объекта исследования, находящегося в процессе становления. С.Н.Бухарин, А.Г.Глушков, И.Д.Ермолаев определяют информационную войну следующим образом: «Специальная форма ведения боевых действий, характеризующаяся применением средств информационного воздействия для дезорганизации систем управления, воздействия на элементы вооружения, включая информационные технологии и информационные ресурсы враждебных государств и защиты от аналогичных воздействий соответствующих элементов собственной информационной структуры»⁶.

Англо-русские словари дают следующие варианты перевода слова «Warfare»: 1) война; приемы ведения войны; 2) столкновение, борьба. Наличие разночтений при определении данного понятия породило в соответствующей русскоязычной литературе такие синонимичные термины, как «информационная война», «информационная борьба», «информационное противоборство», «информационное противодействие». Эти категории часто используются авторами, различно представляющими себе объем данных понятий, что осложняет понимание сути проблемы.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 246.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. Ок. 57 000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю.Шведовой. 15-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1984. С. 224.

³ Petit Robert. Paris, 1972. P. 906.

⁴ Гриняев С.Н. Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства. С. 10.

⁵ Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Ваклер, 2000; Панарин И.Н. Информационная война и выборы. М.: Изд-во Городец, 2003; Тарас А.Е. Информационно-психологическая и психотронная война. М.: Харвест, 2003; Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство. Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. М.: Харвест, 2004; Воронцова Л.В., Фролов Д.Б. История и современность информационного противоборства. М.: Радио и связь, 2006; Панарин И.Н. Информационная война за будущее России. М.: Радио и связь, 2008; Манойло А.В., Фролов Д.Б., Петренко А.И. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Радио и связь, 2009; Adams J. The next world war. N.Y.: Simon & Shuster, 1998; Guichardaz P., Lointier P. L'infoguerre. Paris: Dunod, 1999; Nataf D. La guerre informatique. Paris: Presses de la Renaissance, 2003; Huyghe F.-B. Ecran / Ennemi Terrorisme et guerres de l'information.[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.00h00.com> ISBN: 2-7454-0587-X © Editions 2002; и др.

⁶ Бухарин С.Н., Глушков А.Г., Ермолаев И.Д. Информационное противоборство. Кн. 2. М.: Полиори, 2004. С. 471.

Война или противоборство? Противоборство – как более широкое понятие – соотносится с более узким термином «война» как «общее» и «особенное». Использование последней категории в ряде публикаций эмоционально окрашено, поскольку скорее призвано усилить напряженность (масштаб, значимость) описываемого явления. С критикой расширительных трактовок как ранее, так и в настоящее время выступают ученые разных стран, указывая на «девальвацию» этого понятия и утрату им своего первоначального смысла¹. Вместе с тем суть данной дискуссии значительно глубже и связана с такими фундаментальными вопросами, как содержания самих понятий «война», «оружие» и т.д. Спецификой войны является ведение боевых действий, осуществление маневра силами и средствами, огневое или иное воздействие на противника, конечным итогом которого является поражение последнего и принятие им условий победителя.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 24 от 10.01.2000 г. были определены следующие угрозы в информационной сфере: «стремление ряда стран к доминированию в мировом информационном пространстве, вытеснению России с внешнего и внутреннего информационного рынка; разработкой рядом государств концепции информационных войн, предусматривающей создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира; нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем, а также сохранности информационных ресурсов, получение несанкционированного доступа к ним»². В пришедшей на смену ей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года также отмечаются возросшая «уязвимость всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз»³. На основании оценки тенденций развития современного мира и России в документе делается вывод: «Усилится глобальное информационное противоборство, возрастут угрозы стабильности индустриальных и развивающихся стран мира, их социально-экономическому развитию и демократическим институтам»⁴. Примечательно, что в тексте Стратегии ни разу не использован термин «информационная война».

В дальнейших своих разработках (отчет MR-964-OSD) корпорация «Рэнд» ввела разделение стратегического информационного противоборства на первое и второе поколение, предусматривающее разграничение соответствующих задач. Соответственно, были даны и определения этих видов противоборства. Так, стратегическое информационное противоборство первого поколения трактуется как «...один из нескольких компонентов будущего стратегического противоборства, применяемый совместно с другими инструментами достижения цели»⁵. Ему отводится роль обеспечения действий традиционных сил и средств, направленного в большей степени на дезорганизацию функционирования систем управления противника. Этот вид борьбы предполагает выполнение реальных задач на государственном и военном уровнях, результаты чего планируется использовать в дальнейшем.

Стратегическое информационное противоборство второго поколения является не только более поздним по времени продуктом американских специалистов в области информационной борьбы, но и качественно отличным комплексом мер воздействия на противника. В вышеупомянутом докладе это противоборство характеризуется как «принципиально новый тип стратегического противоборства, вызванный к жизни информационной революцией, вводящий в круг возможных сфер противоборства информационное пространство и ряд других областей (прежде всего экономику) и продолжающийся долгое время: недели, месяцы и годы»⁶. Такой тип стратегического противоборства может, по мнению авторов, сделать ненужным применение военной силы. Это, с известными оговорками, напоминает то, о чем говорил Сунь-цзы как о высшем искусстве ведения войны в главе III «Стратегическое нападение» своего трактата⁷. Интересны также следующее рассуждение китайского мыслителя и полководца, сегодня воспринимающееся как основа ведения информационного противоборства: «Война – это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы и ты был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой ...»⁸. В свете цитируемого весьма показательным представляется то, что в приложении к вышеупомянутому отчету в качестве сценария возможных событий рассматривается ведение стратегического информационного противоборства между США и Россией в период до 2010 года в контексте борьбы за превосходство на рынке энергоносителей.

Примером институционализации стратегического информационного противоборства может служить со-

¹ См.: Конопатов С.Н., Юдин В.В. Традиционный смысл понятия «война» устарел // Военная мысль. 2001. № 1; Калиновский О.Н. «Информационная война» – это война? // Военная мысль. 2001. № 1; Дежин Е.Н. Информационная война по взглядам китайских военных аналитиков // Военная мысль. 1999. № 6.

² <http://www.nationalsecurity.ru/library/00002/00002concept3.htm>.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Гриняев С. Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 8. С. 11.

⁶ Там же.

⁷ Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве // Сунь-цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве. М.: Изд-во АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 40–41.

⁸ Там же. С. 36.

здание в соответствии с директивой президента США PDD-68 от 30 января 1999 г. агентства International Public Information Group, предназначенного для использования разведывательной информации с целью осуществления влияния на эмоции, мотивы, поведение иностранных правительств, организаций и отдельных граждан. Таким образом, американские специалисты считают вполне возможным достижение в обозримом будущем подавляющего преимущества в информационной борьбе, что, по их мнению, позволит успешно разрешать конфликтные ситуации в свою пользу без вооруженного вмешательства.

Возможна ли в реальности информационная война в собственном смысле этого слова? Наверное, это может произойти по мере превращения средств, используемых политическими субъектами в ходе борьбы за те или иные приоритеты, продиктованные интересами национально-государственных или блоковых образований, в оружие, способное нанести сокрушительное поражение противнику.

Имеет ли право на существование этот термин? Конечно, да. Так же, как в свое время были введены в обиход, в том числе и научный, такие понятия, как «холодная война» (уже включавшая в себя многие элементы «информационного противоборства»), «тайная война» и другие. О возможности возникновения информационных войн пишет крупный специалист в области войн будущего, член Академии геополитических проблем В.И.Слипченко. Он достаточно определенно высказывается по этому поводу, четко разграничивая понятия «информационная война» и «информационное противоборство»: «Думается, что в ближайшие 20–40 лет еще не следует ожидать появления следующего, седьмого поколения войн, в которых основным системообразующим видом противоборства будет именно информационное противоборство, фактически становящееся основой «информационных войн». Если такие войны возникнут в будущем, то они, безусловно, будут вестись в информационном пространстве планеты и в основном информационными средствами. Это очередное, седьмое поколение войн может зародиться, скорее всего, не раньше чем через 50 лет, а до этого будет вестись именно информационное противоборство»¹. Автор исходит из классических взглядов на войну как «особое состояние общества, связанное с резкой сменой отношений между государствами, народами, социальными группами и обусловленное применением вооруженного насилия для достижения политических, экономических и иных целей»². В.И.Слипченко увязывает дифференциацию понятий «информационная война» и «информационное противоборство» с разработкой общих основ теории информационного противоборства.

Между тем в тексте Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, где используются оба понятия – и «информационная война», и «информационного противоборства» – определение им не дается, они используются как устоявшиеся и имплицитно ясные. Предпочтения какому-либо термину не отдается, и их можно трактовать как синонимические, что вполне понятно, поскольку такие документы лишь указывают направление развития практических усилий в обозначенной области. Несомненно, необходимо дальнейшее развитие соответствующих теорий, однако представляется, что данная проблема выходит за собственно теоретические рамки и приобретает большое политическое, правовое и иное значение, поскольку очевидно, что с момента превращения противоборства в войну будет поздно вносить поправки в Концепцию национальной безопасности, военную доктрину и т.п.

В числе трактовок понятий «информационное противоборство» и «информационная война» встречаем и такую: «Информационная борьба (противоборство) – одна из форм международного или внутригосударственного противоборства в мирное и военное время. Включает совокупность взаимосвязанных мероприятий технического и информационно-психологического характера с целью информационного воздействия на государственные, общественные организации, вооруженные структуры, компьютерные сети, системы управления, на общественное и индивидуальное сознание в нужном для противоположной стороны направлении, их дезинформации и нарушения нормального и достоверного функционирования информационных процессов, при одновременной защите своей информационной среды от воздействия противостоящей стороны. Организуется и ведется также в операциях и боевых действиях различного масштаба»³.

О возможностях использования Интернета в целях противоборства в области ведения информационной войны в различных сферах и между различными субъектами противоборства говорит Евгений Касперский в интервью Кристофу Аликсу: «Я работаю долгие годы в информационной безопасности и через нее я узнал, что реальность там превосходила мои самые худшие параноидальные сценарии. Внедрив 1% компьютеров планеты в зомбированные сети, сегодня можно блокировать всю систему, сети коммуникаций, электрические сети, финансовые рынки, оборонные системы и т.д. Недавняя имитация внезапной кибератаки против Соединенных Штатов доказала до какой степени они были плохо подготовлены. Завтра меньшинство может блокировать всю мировую экономику, которая уже на 90% зависит от Паутины, и это не научная фантастика»⁴.

Теперь сетевые войны из внутрисредовой особенности превратились в реальность нашей жизни. В виртуальном пространстве политическая и военная сферы ныне завоевывают позиции ничуть не меньшие, чем на подлинных ТВД, и вооруженный конфликт в августе 2008 года убедительно доказал, что мало одержать военную победу, – надо еще победить в информационной борьбе. При этом размах информационной кампании в се-

¹ Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. С. 153.

² Там же.

³ Бухарин С.Н., Глушков А.Г., Ермолаев И.Д. Указ. соч. С. 471.

⁴ Christophe Alix. La réalité du cybercrime dépasse les pires scénarios // Ecrans.fr. jeudi 11 mars 2010, sélectionné par Spyworld.

ти не только не уступал по масштабу информационного противодействия в СМИ – часто более высокой оказывалась оперативность появления и доведения информации до адресата в Паутине. В этот период отечественным учасниками реальной информационной войны был получен хороший профессиональный урок.

Так, в частности, французские источники выступили с критикой России по поводу ведения информационной войны в августе 2008 г. В сообщении, размещенном на сайте knockers.org 18 сентября того же года, писали: «Россия упустила прекрасную операцию информационной войны из-за негибкой культуры своих разведывательных служб», давая задним числом советы по поводу того, что следовало делать России. Удивительно, почему они не давали советы своим заокеанским союзникам, которые шпионили за французскими официальными лицами и предпринимателями. Этот факт был признан Джеймсом Вулси, бывшим директором ЦРУ, опубликовавшим в «Уолл стрит Джорнал Йюроп» статью, озаглавленную «Почему Америка шпионит за своими союзниками», в которой признался: «Ну да, дорогие континентальные друзья, мы шпионили за вами, потому что вы берете взятки»¹ (факт взяточничества никогда не был опровергнут). В то же время в длительном информационном противоборстве, сопровождавшем «пятидневную войну», несмотря на «презумпцию виновности» России в глазах западных экспертов и политиков, к чести российской стороны, восторжествовала правда, – что, тем не менее не должно стать поводом для успокоенности.

Действительно, следует отметить, что информационные войны и реальные боевые действия, относящиеся к одной и той же кампании, могут иметь разную протяженность во времени. Как правило, информационная война не просто охватывает период до начала боевых действий и после них – порой она может возникать и десятилетия спустя после реальных военных кампаний, как это происходит сегодня с освещением событий Второй мировой войны, когда в интересах заинтересованных сторон осуществляется ревизия ее хода и результатов, вклад союзников в победу над фашизмом и значимость этого события и т.п.

Информационное противоборство проходит этап институционализации, что способствует его развитию и свидетельствует о значении, придаваемом сегодня этому виду борьбы с противником. Так, в соответствии с директивой президента США PDD-68 от 30 января 1999 г. при участии ЦРУ была создана новая структура – International Public Information Group (IPI), предназначенная для использования разведывательной информации в целях оказания влияния «на эмоции, мотивы, поведение иностранных правительств, организаций и отдельных граждан» ЦРУ².

Сегодня США доминируют в области ведения информационной войны как в области информационных технологий, так и с точки зрения материальной базы и финансовых вложений. По данным, приведенным на сайте GlobalSecurity.org, уже к концу декабря 2004 г. на околоземной орбите находилось 138 американских военных спутников, 61 российский, 10 китайских и около 12 европейских. Французы отмечают, что по сравнению со своим заокеанским союзником их возможности выглядят достаточно скромно.

Тем не менее уже в 1993 г. Францией была создана Бригада разведки и электронной войны с целью координации действий различных частей соответствующего назначения. DRM (Direction du Renseignement Militaire, Управление военной разведки) развернуло кроме того несколько «передовых отрядов связи» в задачу которых входило «ввод в действие аппаратуры прослушивания и анализа информации, собранной с помощью антенных полей и других устройств приема электромагнитных сигналов»³. Другими словами, сбор телекоммуникационных разведданных по аналогии с программой Эшелон.

DGSE (Direction Générale de la Sécurité Extérieure, Главное управление внешней разведки) также располагает своими собственными станциями прослушивания (наиболее известная находится в Домме в провинции Перигор). В целом французские вооруженные силы располагают приблизительно 15 антенными полями от Джибути до Дакара через Реюньон, Новую Каледонию и Куру, в Гвиане.

Отметим, что Франция пытается играть заметную роль в европейской системе информационного противоборства.

Французский депутат от Союза за народное движение (UMP) Бернар Карейон в своем выступлении о бюджете 2006 г., озаглавленном «Окружающая среда и будущее оборонной политики», заявил: «Сектор информационных технологий в коммуникации должен составлять национальный приоритет, как в свое время таковым был ядерный»⁴.

Логотип DGSE

«Этот логотип символизирует ценности бизнеса и работы DGSE: святость Франции, сетей, которые нас окружают и которые мы обслуживаем, общая миссия защиты Франции в области информации и действий» (с официального сайта DGSE <http://www.defense.gouv.fr/dgse>)

¹ Guerre de l'information made in France...

² Гриняев С. Указ. соч. С. 12.

³ Guerre de l'information made in France...

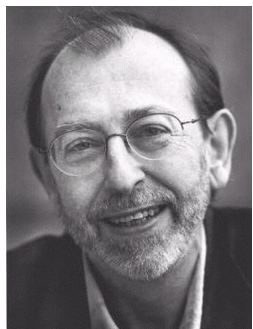
⁴ Guerre de l'information made in France...

Мишель Аллио-Мари (р. 1946), французский государственный и политический деятель, министр обороны Французской республики в 200–2007 гг.

Андре Глюксманн (р. 1937), французский философ, политолог и писатель-эссеист, представитель «новых философов». В 1967 г. опубликовал свою первую книгу «Рассуждения о войне» (*Le discours de la guerre*)

Ален де Бенуа (р. 1943), современный французский философ-традиционалист, геополитик, основатель и теоретик движения «Новые правые».

Такую точку зрения поддерживала и Мишель Аллио-Мари, подчеркнувшая, что «информационная война занимает важнейшее место в современной войне. Завтра это станет еще актуальней»¹. По ее мнению, страна должна взять оперативную инициативу в свои руки, занять достойное место в системе международных отношений. Этому должен был способствовать созданный во Франции Центр электронного оружия (CELAR) – своеобразный технический центр информационной войны, работающий над проблемами электронной войны, информационных систем, телекоммуникаций, информационной безопасности и электронных компонентов. По состоянию на 2004 г. его штат насчитывал 900 человек и не обладал такими средствами, как оборонный отдел Комиссариата по атомной энергии, насчитывавший 4500 сотрудников. Тем не менее при посещении Центра электронного оружия (CELAR) в октябре 2004 г. она отметила ведущую роль этого центра в системе обороны Франции.

При этом предметом пристального рассмотрения является геополитический аспект информационной войны. Особенное внимание французских исследователей привлекает Россия, постсоветское пространство, прилежащие регионы, в частности, черноморский бассейн². Представляет интерес отношение к войне, миру и безопасности у теоретиков различных политических сил Франции как слева (ранний А.Глюксманн³), так и справа (А.де Бенуа⁴). Введение в научный оборот новых политологических понятий в области войны, мира и безопасности весьма показательно для французской политической науки. С «легкой руки» К.Шмитта во французскую научно-политическую лексику вошло понятие «всемирная гражданская война»⁵, которое было подхвачено отдельными российскими политиками и общественными деятелями (резолюция XIX съезда ЛДПР, вице-президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Л.Ивашов и др.). На французских интернет-форумах вполне серьезно обсуждают проблему предотвращения первой мировой гражданской войны⁶.

Особая острота геополитической (геостратегической) направленности информационной войны характерна для пограничного пространства, прежде всего для тех его сегментов, где территориальные споры остаются неурегулированными. В этих случаях информационная война приобретает вид «картографической войны», разновидностями которой становятся вытеснение топонимов, внесение искаженной информации о территориальной принадлежности в школьные учебники по истории и географии и т.п. Так, территориальные претензии к России со стороны Эстонии находят отражение на картах, продаваемых в книжных магазинах Таллина. Мультируется проблема «исторической несправедливости» и «незаконной оккупации» русскими Занаровья и Печорского уезда⁷. Театром «картографической войны» закономерно становится туризм. В частности, на Дальнем Востоке жители Курил, посещающие Японию в рамках безвизового обмена, испытывают откровенное пропагандистское давление с японской стороны: им продают карты, где так называемые «северные территории» изображаются в составе Страны восходящего Солнца, дарят русско-японские разговорники, в которых присутствует исключительно японская официальная информация о спорных территориях. Однако и российская сторона перестала оставлять без ответа подобные действия: так, администрация Сахалинской области подготовила для японских гостей отечественные картографические издания и брошюры, в которых разъясняется официальная российская позиция по «курильскому вопросу»⁸.

Подводя итог изложенному, подчеркнем еще раз: информационная война стала реальностью нашей жизни, она представляет собой комплекс-

¹ Guerre de l'information made in France...

² Sieca-Kozłowski E., Toumarkine A. Géopolitique de la mer Noire. Paris: Karthala, 2000.

³ Glucksmann A. Le discours de la guerre. Paris: L'herne, 1967.

⁴ Benoist (de) A. Repenser la guerre // Alain de Benoist, Charles Champetier, Michel Marmin, Claude Polin et Louis Sorel, Demain la guerre? Les nouvelles menaces sur la paix. Actes du XXXIIe colloque national du GRECE. Paris, 29 novembre 1998, GRECE, 2000.

⁵ Mamère N., Farbiaz P. Dangereuse Amérique. Chronique d'une guerre annoncée. Paris: Edition Ramsay, 2003.

⁶ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.forumgc.org/spip/?article317>.

⁷ Афанасьев П. Картографическая война // Красная звезда. 1994.

⁸ Россия и Япония начали картографическую войну. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newizw.ru/lenta/66147/>

ное явление и ведется постоянно различными методами и средствами, но всегда подразумевает владение ключевой информацией, способной изменить статус-кво в свою пользу, что, безусловно, требует от субъектов информационного противоборства наличия адекватной соответствующей доктрины, постоянного совершенствования материально-технической базы, наличия высококвалифицированных специалистов, а также высокого уровня мобилизации всего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев П. Картографическая война // Красная звезда. 1994.
2. Бухарин С.Н., Глушков А.Г., Ермолаев И.Д. Информационное противоборство. Кн. 2. М.: Полиори, 2004.
3. Воронцова Л.В., Фролов Д.Б. История и современность информационного противоборства. М.: Радио и связь, 2006
4. Гриняев С.Н. Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 8.
5. Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство. Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. М.: Харвест, 2004.
6. Дежин Е.Н. Информационная война по взглядам китайских военных аналитиков // Военная мысль. 1999. № 6.
7. Калиновский О.Н. «Информационная война» - это война? // Военная мысль. 2001. № 1.
8. Конопатов С.Н., Юдин В.В. Традиционный смысл понятия «война» устарел // Военная мысль. 2001. № 1.
9. Манойло А.В., Фролов Д.Б., Петренко А.И. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Радио и связь, 2009.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1968.
11. Панарин И.Н. Информационная война за будущее России. М.: Радио и связь, 2008.
12. Панарин И.Н. Информационная война и выборы. М.: Изд-во Городец, 2003.
13. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Ваклер, 2000.
14. Россия и Япония начали картографическую войну. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newizv.ru/lenta/66147>.
15. Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002.
16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.
17. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве // Сунь-цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве. М.: Изд-во АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
18. Тарас А.Е. Информационно-психологическая и психотронная война. М.: Харвест, 2003
19. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989.
20. Adams J. The next world war. N.Y.: Simon & Shuster, 1998.
21. Benoist (de) A. Repenser la guerre // Alain de Benoist, Charles Champetier, Michel Marmin, Claude Polin et Louis Sorel, Demain la guerre? Les nouvelles menaces sur la paix. Actes du XXXIle colloque national du GRECE. Paris, 29 novembre 1998, GRECE, 2000.
22. Christophe Alix. La réalité du cybercrime dépasse les pires scénarios // Ecrans.fr. jeudi 11 mars 2010, sélectionné par Spyworld.
23. Glucksmann A. Le discours de la guerre. Paris: L'herne, 1967.
24. Guerre de l'information made in France. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.internetactu.net/2005/11/25/guerre-de-linformation-made-in-france/>
25. Guichardaz P., Lointier P. L'infoguerre. Paris: Dunod, 1999
26. Huyghe F.-B. Ecran/Ennemi Terrorismes et guerres de l'information.[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.00h00.com> ISBN 2-7454-0587-X © Éditions 2002
27. Mamère N., Farbiaz P. Dangereuse Amérique. Chronique d'une guerre annoncée. Paris: Edition Ramsay, 2003.
28. Nataf D. La guerre informatique. Paris: Presses de la Renaissance, 2003.
29. Petit Robert. Paris, 1972.
30. Sieca-Kozłowski E., Toumarkine A. Géopolitique de la mer Noire. Paris: Karthala, 2000.
31. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.forumgc.org/spip?article317>
32. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00002/00002concept3.htm>